

ВОДНЫЙ ВОПРОС КАК АКТИВАТОР СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

Т.Ю. Гусаков

*Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия, gusakov.timur@mail.ru*

Водный вопрос является важной проблемой для социально-экономического развития Крыма исторически. Но в центре внимания находится история одного крымского сельского сообщества. Статья рассматривает ситуацию, когда водоснабжение стало причиной формирования общины в одном из сельских населенных пунктов степного Крыма. Коллективные усилия при содействии внешних сил позволили разрешить проблему использования общим ресурсом и не допустить водного дефицита в отдельно взятом селе.

Ключевые слова: сельская община; трагедия общин; общие ресурсы; сельская местность; социальный капитал.

Складывается ощущение, что локальные сообщества людей, живущих на одной территории (в селе, микрорайоне, городе), уходят в прошлое и индивидуализм побеждает. Подтверждение этого тезиса мы слышим в разных регионах России, выезжая в полевые исследования. Например, в одном из поселений Пермского края бывший глава сельсовета рассказала репрезентирующую процесс обособления историю: «...Мы пытались создать общественную комиссию для работы с неблагополучными семьями, включили в нее уважаемых, авторитетных жителей, но ничего не вышло. Мы приглашаем неблагополучных на беседы, а они заявляют: «Что вы вмешиваетесь?! Кто вы такие, чтобы учить нас, как жить...». От института народных судов и общественного порицания, распространенного в СССР, не осталось следа. Лишь в консервативных обществах национальных республиках Северного Кавказа можно встретить советы старейшин, но и то не повсеместно. В одной из станиц Кубани жители заявляют, что чаще общаются с родными через социальные сети и вовсе не знают, кто их соседи. И подобных симптомов встречалось много.

Возможно, причина разобщенности кроется в миграции населения, засилье чужаков – дачников и пр. Но в советский период наблюдалось не менее масштабное переселение, однако связи в активно меняющихся локальных сообществах не разрывались. Причины того кроются в едином месте занятости (колхоз, завод), ограниченности коммуникаций с родственниками (отсутствие социальных сетей, дефицит личного транспорта) и государственной поддержкой коллективных настроений в сообществах. Сейчас же появился Интернет, психологическое восприятие расстояний меняется в сторону сокращения, необходимость общения с соседями отпадает. Связи все-таки сохраняются: через группы в социальных сетях, беседы в мессенджерах, недовольство какой-либо общей проблемой, экономические отношения, присмотр за домами и пр. Но желание безвозмездно делать что-либо для общего блага встречается редко.

В одном из сел на Крымском полуострове пришлось наблюдать случай объединения жителей в сообщество. Основной причиной коммуникаций жителей является общая проблема – обслуживание водопровода. Разобщенное по политическим, идеологическим, религиозным, культурным и иным причинам население села нашло точку соприкосновения для объединения в единый организм – общину (или громаду¹). Наше село, то есть попавшее в фокус наблюдений, насчитывает чуть более 600 жителей и расположено в сельскохозяйственной центральной части Крымского полуострова. Близость к оживленной железнодорожной станции и крупному поселку обусловило демографическую стабильность несмотря на то, что на территории села практически нет возможности трудоустройства и отсутствуют основные объекты социальной

¹ Украинский аналог «общины».

инфраструктуры (школы, больницы). Исследуемое село оказалось в центре внимания, поскольку является наиболее репрезентативным для степных аграрных районов Крыма. Для него характерны социально-экономические изменения, происходившие в разное время как в депопулирующих депрессивных, так и в «растущих» сельских населенных пунктах полуострова.

Вопрос функционирования сообществ людей, проживающих на одной территории и пользующихся общим благом является полем для научных дискуссий. Трагедия общих ресурсов или общин – такое обобщенное название этой проблемы фигурирует в работах различных исследователей. Но общего мнения по этому поводу нет ввиду наличия своей специфики в каждом отдельно рассматриваемом случае. Так, например, Г. Хардин [7], введший в научную литературу термин «трагедии общин», считал, что человек должен отказаться от использования общих ресурсов, аргументируя это тем, что эти ресурсы могут быть исчерпаны при неограниченном использовании. И мы можем быть с ним солидарны, вспоминая проблему опустынивания Ногайской степи в Дагестане и Черных земель в Калмыкии, вызванную нерациональным использованием пастбищ [2]. Г. Хардину оппонируют Э. Остром [3] и Б. Кроу [6], которые призывают отказаться от зарегулированности и вырабатывать алгоритмы коллективного использования ресурсами. По их мнению, «живой интерес» общины лучше формализованного менеджмента в лице государства справится с рациональным расходом и возобновлением ресурсов. Данный сценарий может быть реализован в развитых «сытых» обществах, которые практикуют долгосрочное планирование развития и использования ресурсов.

В обезвоженных степях свободный доступ к питьевой (либо технической) воде всегда был одним из ключевых факторов основания и жизнеспособности не только населенного пункта, а и всей экономики Крыма. До 1960-х гг. сельскохозяйственная специализация региона складывалась с учетом естественных (природных) условий среды, но после запуска Северо-Крымского оросительно-обводнительного канала удалось расширить спектр производимой продукции (добавилось, например, рисоводство и садоводство в засушливых степных районах). Сельхозпроизводство стало более устойчивым по отношению к периодически повторяющимся засухам, чьи последствия минимизировались искусственным орошением. Но интенсивное распаивание степей и неполное покрытие водоводами территории Крыма не позволило решить проблему вододефицита для всех муниципалитетов Крыма. Рост численности населения и объемов агропроизводства привел к тому, что через канал поставлялось до 85% необходимой пресной воды Крыма.

Особенно остро водный дефицит проявился в 2014 году, после закрытия Северо-Крымского канала. Засуха лета 2018 года вызвала экологическое бедствие на севере Крыма из-за пересыхания кислотонакопителя завода «Крымский Титан» [1]. А засуха 2020 года и обмеление основных водохранилищ полуострова, что ранее компенсировалось водой из канала, едва не привело к гуманитарной катастрофе в Крыму. Эта проблема затронула в основном города, снабжаемые водой из водохранилищ. В сельской местности воды канала использовались в хозяйственной деятельности населения и сельхозпредприятий [5]. Для питья вода поставляется из артезианских скважин. Исключения составляли поселения северных районов Крыма, где вода из канала закачивалась в горизонты поверхностных вод для восполнения потерь обмелевших водоносных пластов.

В нашем селе водоснабжение обеспечивается из скважины артезианских вод. В советское время основным организатором общественной жизни и коммуникации являлся колхоз. Однако в 1995 году он обанкротился и после нескольких лет распродажи фондов исчез. Основное бремя обслуживания социальной инфраструктуры легло на местные власти, которые были неспособны ее не то, что обслуживать, но и просто следить за сохранностью. Так, в 1990-е гг. в период «безвластия» при попустительстве властей и милиции, и равнодушии местных жителей село лишилось сельского клуба, библиотеки, здания школы, фельдшерско-акушерского пункта, части молочно-товарной фермы. Причем, постройки разбирались на камни местными маргиналами и от многих за несколько лет не осталось и следа. Наверное, 1990-е гг. стали периодом наибольшего разобщения в общине села, когда из-за крайней бедности одних и относительном благополучии других, маргинализации части жителей, были разорваны связи, сконструированные в колхозе на базе принципа равенства достатка домохозяйств. И даже наличие общего врага в виде организованных преступных групп, которые «каждую

ночь» воровали живность у жителей, не стало мотиватором для объединения усилий, в условиях, когда корова вновь была кормилицей.

Отсутствие средств к существованию, возвращение репатриантов, рост межнациональных противоречий, поиск виновника разрушения сельской инфраструктуры, иждивенческие настроения, повальная безработица привели к ментальному отдалению домохозяйств друг от друга. Село психологически превратилось в россыпь автономных хуторов. Связывал их лишь водопровод, а точнее проблемы с ним, решение которых легло на жителей. Отсутствие финансовой поддержки от местных властей привело к закрытию скважины с питьевой водой из-за поломки насоса. В водопровод была пущена не питьевая горячая вода, которая способна циркулировать в системе самотеком, но для полива – не пригодна. Это обстоятельство ограничило огородничество, нуждающееся в дополнительном поливе, создало проблему доступа к питьевой воде, которую необходимо было привозить из соседних населенных пунктов, и периодическому выходу из строя водопровода, изнашиваемого от перепада температур.

Возрождение сельской общины началось с разворачивания деятельности Программы развития и интеграции Крыма Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРИК ПРООН) в 2000-е гг. [3]. В фокусе Программы оказалась реализация локальных инфраструктурных проектов при участии иностранных инвесторов ПРООН, власти и местных жителей. Ключевыми условиями участия в программе стали: регистрация местной громадой общественной организации, которая будет координировать и осуществлять реализацию проектов, и сбор символической суммы со всех жителей села для формирования чувства ответственности у жителей². В селе было предложено и реализовано три проекта: строительство фельдшерско-акушерского пункта, оросительного водопровода и водопровода питьевого водоснабжения. Из числа жителей были выбраны активисты, которые разъясняли суть проекта и осуществляли сбор средств. В 2003 г. в селе появился фельдшерско-акушерский пункт, в 2004 г. – запущен оросительный водопровод, а в 2007 г. – проложен водопровод питьевой воды, который так и не был запущен из-за непригодности воды в скважине для питья. Однако, находились жители из числа активистов, которые использовали эту ситуацию для личного обогащения. Из-за их недобросовестности оросительный водопровод был уложен в неглубокие траншеи, что приводило к его многократному повреждению при распахивании огородов жителей, а при закупке материалов для водопровода питьевой воды были приобретены трубы меньшего диаметра, значительно сократившее подаваемый в систему объем воды.

Проекты были реализованы, но эффект от них привел к формированию сообщества, которое объединяло значительную долю населения села и было способно совместно решать локальные проблемы. В структуре общины основным генератором инициатив выступали жители, обладающие финансовыми ресурсами и заинтересованные в поддержании инфраструктуры села. Это, в первую очередь, фермеры – арендаторы земельных паев жителей, а также частные предприниматели и образованные амбициозные активисты. Они составляют слой сельской элиты (источник финансов) и сельской интеллигенции (источник идей). Периодическое проведение сельских сходов жителей для обсуждения общих проблем и коммуникаций между собой стало обыденным. Благодаря общественным обсуждениям в начале 2010 гг. была благоустроена территория общественного парка, расчищена территория бывшего сельского клуба от бытового мусора, восстановлена ограда кладбища и пр. Но это второстепенные мероприятия, которые не способны долго поддерживать жизнеспособность общины.

Основной источник поддержания взаимодействия жителей является обслуживание водопровода с непитьевой водой, который требует постоянного ремонта, потому что он был сооружен в начале 1970-х гг. из корабельных труб и подвержен резким перепадам температур. Местное предприятие жилищно-коммунального хозяйства отказалось от обслуживания водопровода из-за большой суммы задолженности жителей за услуги. Скважина и водопровод в конце 2000-х гг. сельсоветом был передан местной громаде. С этого времени вода стала бесплатной, плата собиралась лишь на ремонт водопровода. Размер платы на ремонтные работы решался общим сходом и складывался из количества

² Сбор средств менторы Программы аргументировали следующим образом: «Если вы вложите по 2-3 гривны, то не разворуете водопровод, потому что будет чувство ответственности за него...».

членов домохозяйства, наличия крупного рогатого скота и личного транспорта. Плату собирали и осуществляли ремонт уже местные жители, которые были согласны заниматься этой работой. Функции сбора платы переходили из рук в руки, потому что не все были согласны с решениями общины и проявляли агрессию к сборщикам. За 10 лет местного обслуживания сменилось шесть сборщиков оплаты: сначала это были местные фермеры и предприниматели, позже – незанятые жители.

За время существования института громады изменился вид передачи информации. Если изначально это были объявления, которые расклеивались в основных проходных местах (перекрестки улиц, магазин и пр.), то в последние несколько лет произошла цифровизация общины. В мессенджере Viber была создана беседа для обсуждения местных проблем и обмена информацией, в которую включено 120 из более 600 жителей села, которые представляют более 70% домовладений. В обсуждениях участвуют более половины участников, остальные используют беседу исключительно в качестве источника информации. Переход общины в цифровое пространство позволяет увеличить долю участников в принятии решений сельского развития.

За последнее пятилетие происходит затухание общественной жизни и прогрессирование апатии. Как это не парадоксально, но увеличение дотирования местного бюджета и активное восстановление социальной инфраструктуры (бурение скважины, реконструкция дорожного покрытия, освещение улиц) отодвигает сельских жителей от решения локальных проблем. Роль населения становится второстепенной, основным распорядителем финансовых средств и инициатором проектов выступают местные власти.

В начале 2021 г. будет запущена подача питьевой воды, которую будет обслуживать ГУП «Вода Крыма» и горячее водоснабжение будет закрыто. Необходимость общественного участия в решении местных проблем отпадает.

Таким образом, можно выделить четыре фазы существования громады села:

появление (объединение жителей с помощью внешнего источника, в данном случае по инициативе ПРИК ПРООН);

активное существование (реализация инвестиционных проектов, гражданский активизм, стимулирование активности внешним источником);

размеренное существование (завершение проектов, решение социальных проблем по инерции);

затухание (снижение активности из-за разочарования активистов в общественной деятельности, не имеющей конечной цели, нарастание агрессии со стороны меньшинства общины);

исчезновение (смерть громады).

Последняя фаза существования сельской общины не наступила и не обязательно должна наступить. В фокус общественного внимания могут попасть другие острые проблемы, в решении которой заинтересовано население села. Это запустит новый цикл активизации, потому что в данном случае у местного населения чувствуется общая потребность высказываться и быть услышанными в локальном сообществе. Конечно, до 2014 года существовало убеждение, что «если мы это не решим, то никто нам не поможет» из-за отсутствия помощи от местных властей. Но позже ситуация изменилась. В настоящее время иждивенческие настроения стимулируются обильным государственным дотированием.

Сопоставляя случай исследуемого села с точками зрения авторов «трагедии общин» можно сделать вывод, что возложение в 1990-е гг. на сельскую общину бремени распоряжения общими ресурсами не совпал ни с одной траекторией. Бедность жителей и отсутствие контроля со стороны государства привело к растаскиванию колхозного имущества, вырубке лесополос, деградации свободных пастбищ из-за перевыпаса скота. Жители показали неспособность самостоятельно распоряжаться общими ресурсами. А с другой стороны, заинтересованность и отсутствие помощи со стороны местных властей в решении водного вопроса привели к консолидации и активизации сельского сообщества.

Однозначно заявить, что общие ресурсы оказались «трагедией» нельзя, но и согласится с Э. Остром и Б. Кроу – тоже. Случай нашего села показывает, что «умное» расходование общих благ и их приумножение в естественных условиях было невозможно из-за неразвитости сельской общины и крайней степени бедности ее членов. Жители больше были заинтересованы в улучшении личного материального положения, чем в планировании «завтрашнего дня». Для внедрения алгоритмов совместного

использования необходимо наличие соответствующего запроса в обществе и его готовность к этому.

Библиографические ссылки

1. Власти крымского Армянска ввели режим ЧС из-за химических выбросов // РБК. Общество. 15 сент. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b9c53489a7947f9e2dec5ac> (дата обращения: 11.08.2021).
2. Неизвестная Россия: Ногайские степи // Настоящее время. URL: <https://www.currenttime.tv/a/unknown-russia/30955065.html> (дата обращения: 20.07.2021).
3. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 447 с.
4. Твердохлебов Н.И. Деятельность Программы развития ООН в Автономной Республике Крым // Уч. записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Сер. Экономика. Т. 18 (57). 2005. №1. С. 300–307.
5. Эксперты: Крым перестроит экономику после исполнения плана по преодолению дефицита воды // ТАСС. 26 окт. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9814859> (дата обращения: 11.08.2021).
6. Crowe B.L. The Tragedy of the Commons Revisited // Science, 28 Nov 1969, vol. 166, Issue 3909, pp. 1103–1107.
7. Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, 13 Dec 1968, vol. 162, Is. 3859, pp. 1243–1248.